

РЕЦЕНЗИИ

ВРЕМЯ В ЕГО БЛИЖАЙШЕЙ ДАННОСТИ

Константин Пигров, Александр Секацкий. Бытие и возраст. Монография в диалогах.

Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 250 с.

Балла-Гертман

Ольга Анатольевна

заведующая

отделом публицистики

и библиографии

журнала «Знамя»

(г. Москва)

e-mail: gertman@inbox.ru

Совместная монография двух философов — профессора, доктора философских наук Константина Пигрова и доцента, кандидата философских наук Александра Секацкого возникла на основе курсов по философии возраста, которые оба автора на протяжении многих лет читают на философском факультете Санкт-Петербургского университета, в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов и в других аудиториях. Отчасти материалы лекций уже издавались ранее, и в книге даются ссылки на эти публикации¹. Свою же книгу соавторы представляют как систематизацию всего наработанного во время чтения курсов, в том числе в разговорах и спорах со слушателями, смыслового материала. «Мы имели счастливую возможность, — говорят они в предисловии, — в диалоге с заинтересованными студентами не просто произносить некоторые по возможности систематические “общие места” по философии возраста, но превратить эти лекции в дискуссии — в своеобразные “мозговые атаки”, где стремились осмыслить феномен персональной и социальной жизни как возраст»².

По существу, они моделируют возраст как экзистенциальную структуру. Несмотря на то, что, например, о том же детстве наговорено и написано

¹ Например: *Пигров К. С.* Введение в философию возраста. Университет третьего возраста. ИТМО. URL: http://www.eclass.cc/courses/itmo_vvedenie_v_filosofiyu_vozrasta (дата обращения: 15.11. 2017).

² С. 6. В тексте именно так, но кажется, в этой фразе чего-то недостаёт, например: «... осмыслить *такой* феномен персональной и социальной жизни как возраст».

едва ли не избыточно много («детство — сюжет, которому посвящаются научные конференции и целые тома исследований»³) и даже взрослостью-зрелостью, «акме», которая — разумеется, оши-бочно — «вообще представляется не возрастом, но каким-то «промежутком» вне возраста»⁴, занимается целая наука акмеология (к которой, впрочем, авторы относятся скептически), оба автора признают, что метафизически возраст отрефлектирован очень недостаточно (категоричный А. Секацкий и вовсе говорит, что «возраст вообще остаётся *tabula rasa* для метафизических дискурсов»⁵) и намерены работать над исправлением этого положения.

Книга продолжает сократические традиции не только своей диалогичностью, но также и в том нетипичном отношении, что весь её текст был вначале наговорен соавторами устно и лишь затем записан, литературно обработан, снабжён справочным аппаратом (в предисловии Пигров и Секацкий «выражают глубокую благодарность Ольге Владимировне Павлухиной, кандидату философских наук, которая взяла на себя огромный труд по расшифровке диктофонных записей, по структурированию и литературной обработке текста»⁶).

В сущности, каждая из составивших книгу реплик может быть прочитана и как отдельное, почти самостоятельное эссе, связанное с другими минимально: не то чтобы вовсе никак, но не жёстко, объединяемое с ними главным образом общей темой и той линией рассуждения, вдоль которой все эти реплики выстраиваются. Пигров иногда (не часто) прямо ссылается иногда на собеседника — вот, мол, Александр Куприянович сказал то-то и то-то. Секацкий такого не делает, зато, подхватывая темы, затронутые собеседником в предшествующей реплике, нередко развивает их в неожиданных направлениях.

Начинается разговор со старости («мы представляем старость как некоторый итог человеческой жизни, — говорит Пигров, — и поэтому она заслуживает особого метафизического внимания»⁷), но больше всего внимания — по детальности смысловой проработки и даже просто по объёму — достаётся всё-таки началу жизни: детству (45 страниц!) и выходу из него — подростковому периоду (24 страницы). Зрелости, «акме», уделено всего 25. Старость, «лучшее время человеческой жизни», её в этом отношении превзошла, хотя и не намного — разговор о ней занимает 29 страниц. Рассматриваются также отношения между представителями разных возрастов, их взаимодействие и соперничество (17 страниц), связь между возрастом и образованием (25 страниц) и, наконец, возраст как ритм бытия (21 страница).

Не менее осмысления самого человеческого возраста важно то, что разговор о нём выводит собеседников на гораздо более широкие темы. Он оборачивается прежде всего разговором о человеческой сущности вообще (возраст, в чём оба согласны, — модус её существования и осуществления), о способах включения человека в мир (и, напротив, происходящего в старости постепен-

³ С. 48.

⁴ С. 127.

⁵ С. 50.

⁶ С. 7.

⁷ С. 19.

ного выключения из него, из образующих мир связей), о природе времени и об отношениях человека с ним (возраст — форма личных отношений со временем, телесно переживаемое, инкорпорированное время. «Возраст как время человеческого бытия, — говорит Пигров, — представляет собой интенсивную форму жизни человека, которая переживается как особенно напряжённая»⁸), а также с социумом, с современностью как определённым (притом появившимся недавно!) типом исторического существования («Современность, — по словам Пигрова, — это то, что «поправимо», то, что можно сделать лучше»⁹). В связи с возрастом — вполне ожидаемо — заходит речь о (постигаемом, точнее — переживаемом с его помощью) смысле жизни («Линейное время, — говорит Пигров, — задаёт горизонт смысла жизни, выходящий за пределы индивидуального принципиально циклического бытия»¹⁰), о смерти и бес-смертии, об историческом времени (ритмически разделяемом, по Пигрову, на времена «кайросов» и «дремоты»¹¹, на периоды интенсивного и экстенсивного развития¹² — в точном соответствии с жизнью отдельного человека). Собо-седники обращают внимание и на то, что возраст — это непременно и взаимоотношения с временем большим и общим, не только с историей, но и с космическим временем, и с вечностью. Это тема, не очень отрефлектированная актуальной русской философской мыслью, и Пигров в книге делает важные шаги к её развитию, в том числе и предпринимая попытку перевести разговор о возрасте «в план возраста социальности»¹³, применив это понятие «к ритму цивилизационного развития в целом»¹⁴. Продолжая традицию Шпенглера, он находит возможным говорить о возрасте человеческих общностей, культур и всего человечества.

Интересно, что оба соавтора говорят о возможности осмыслить возраст человека как взаимоотношения с (широко понятым) Другим, прежде всего с другими людьми, но не только. Они выявляют (часто на уровне отдельных, но очень плодотворных замечаний) связь возраста со свободой, с совокупностью возможностей¹⁵, с эмоциональной динамикой¹⁶, с красотой (шире с эстетическими ценностями¹⁷), с телесностью.

Совокупными усилиями соавторов получается, таким образом, что через проблему возраста человек может быть рассмотрен практически во всех его координатах. Интересно притом, что часто он рассматривается в нескольких

⁸ С. 12.

⁹ С. 17.

¹⁰ С. 15.

¹¹ С. 12.

¹² С. 230.

¹³ С. 230.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пигров: «...проблема возраста — это, по сути, проблема потенциала, его накопления и растраты» (с. 11).

¹⁶ Например, замечание Пигрова о том, что возраст — это проблема жизни с точки зрения чувства страха (с. 10).

¹⁷ В связи с эстетической ценностью старости: «Ребёнок красив по определению. Хотя это не так очевидно, но и старость красива по определению. Во всяком случае, она по определению интересна» (с. 28).

координатах одновременно, в их взаимосвязанности. Так, взаимосвязанными оказывается возрастная динамика взаимоотношений с д(Д)ругим(и) и телесности, отношений с собственным телом. «Старик преодолевает идентификацию со своим телом, растождествляется с ним и выходит за его рамки, — говорит Пигров, — прежде всего через общение с другими, и так проявляется приветливость старика. Приветливость его обусловлена именно тем, что он выходит из своего тела в общение с другими»¹⁸. (Тут стоило бы поставить вопрос шире и осмыслить возрастную эволюцию коммуникативных моделей вообще — притом именно в их взаимосвязи с восприятием человеком собственного тела. Авторы этого не делают но, по крайней мере, намечают такую возможность.) Упоминается, явно ожидая своей разработки, также возрастная специфика отношений с пространством, в частности (в особенности) с домом, совсем под конец, в маленькой главке, написанной (наговоренной) Константином Пигровым «вместо «Заключения»», Пигров даже предлагает принять именно эти отношения в качестве «конструктивного критерия» «для оценки возраста»¹⁹.

Справедливости ради надо сказать, что внимание всем названным и не названным координатам уделяется всё-таки неравномерное и даже заметно менее равномерное, чем стоило бы. Это, впрочем, и не удивительно, поскольку книга, как и было сказано, не систематически выстроенное исследование, а своеобразно растущий разговор в режиме импровизации, неожиданной в своих ходах, вероятно, даже и для самих собеседников (я бы сказала в режиме наговаривания черновика для предстоящих, возможных систематических исследований, разведывания их возможностей: такие исследования тут могут расти из многих точек).

Так, например, один из самых волнующих аспектов возраста — телесность, взаимоотношения человека со своим и с чужим телом — упоминается и сколько-нибудь подробно проговаривается только в связи со старостью (хотя, казалось бы, сколько интересного о ней можно было бы сказать в связи с детством, когда человек только осваивает собственное тело и связанные с ним культурные установки; в связи с молодостью, когда человеку приходится, с одной стороны, развивать своё тело, с другой — укрощать его, приводя его, опять же, в соответствие с тяготеющими над ним культурными нормами...). Зато, отталкиваясь именно от этой темы²⁰, Александр Секацкий находит возможность вывести разговор о старости и телесном старении за пределы темы человеческого возраста и рассмотреть их как явление гораздо более общее.

Он говорит не только о старости вещей (тема телесности выводит его к вещам, видимо, потому, что вещи телесны по преимуществу: не обладая душой, телом они обладают несомненно) и о различном отношении к ней в разные исторические эпохи, но о старости как о состоянии чего бы то ни было вообще — как об онтологическом состоянии, как об одном из типов соответ-

¹⁸ С. 33.

¹⁹ С. 231.

²⁰ Строго говоря, от упоминания Пигрова о «медикализации» старости в современной цивилизации (с. 26).

ствия сущего своему эйдосу, идеалу (скорее, уже несоответствия ему, несущего, тем не менее, неотменимо важную смысловую нагрузку): «<...> сама старость — это нечто, находящееся за пределами необходимого, это вообще то, что принципиально вышло за пределы эйдоса. Старая вещь хранится не из-за своего соответствия эйдосу (с точки зрения биологического соответствия это плохая кофемолка, негодная дверь, ненужный стул), для неё находятся некие иные основания бытия. Совпадают ли они с основаниями бытия чрезвычайно старых людей? Либо это совсем другие основания?»²¹ Таким образом, автор намечает возможность и о других возрастах говорить с точки зрения оснований бытия их носителей, — возможность, которой только ещё предстоит осуществиться.

Вообще, о старости здесь говорится много интересного и плодотворного (пожалуй, больше, чем о других возрастах — даже о детстве, занимающем в книге самое большое место) — отчасти, вероятно, и потому, что в современной русской философской мысли этот этап жизни отрефлектирован подробнее всего. Тут стоит вспомнить прежде всего исследования самарского философа Сергея Лишаева, на книгу которого о смыслах ветхого²² соавторы неоднократно ссылаются. Так, явно Лишаеву обязана своим происхождением та мысль Лишаева, согласно которой старые и ветхие предметы, выбывающие «из своего актуального, конструктивного контекста»²³, становятся важны с надутилитарной (широко понятой) эстетической точки зрения и обретают «жизнь, несравненно более долгосрочную, чем была им суждена в рамках простой полезности, чистой функциональности»²⁴. Таким образом, они дают «санкцию эстетике как таковой»²⁵, но не только: они предельно необходимы «в качестве человечности самого человеческого»²⁶ — закладывают основы самой человеческой сущности.

Совершенно не получает, увы, развёрнутого проговаривания тема страха, заявленная в самом начале Пигровым, как связанная с возрастом самым коренным образом. «В связи с темой возраста, — говорит он, — особое внимание следует уделить мотиву страха»²⁷: по его мнению, не только «каждый возраст обладает своим специфическим страхом»²⁸, но и вообще, поскольку «возраст постоянно напоминает нам о смерти», «с переживанием своего возраста явно или скрыто связан экзистенциальный страх»²⁹, и «жизнь человека во времени» как таковая «есть постоянное преодоление страха»³⁰. Однако кроме как в двух репликах во введении к разговору, тему страха в связи с возрастом Пигров

²¹ С. 27.

²² *Лишаев С. А.* Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб.: Алетейя, 2010.

²³ С. 29.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ С. 30.

²⁷ С. 10.

²⁸ Там же.

²⁹ С. 18.

³⁰ С. 11.

развивает только применительно к старости — тем более, что страх — и даже не столько перед смертью, сколько перед всё более чуждым стареющему человеку миром, по словам Пигрова, «конституирует старость как таковую»³¹. В главе «Лучшее время человеческой жизни...», посвящённой этой стадии жизни, он, следуя Кьеркегору, выделяет даже два вида присущих старости страха — низкий и высокий, *Furcht* и *Angst*, и, соответственно этому, — «неудавшихся стариков, стариков-симулякров» и «настоящих стариков» (первые одержимы низкими страстями, вторые — страхом неисполнения долга), — представители других возрастов подобной дихотомии не подвергаются, хотя она, пожалуй, напрашивается. В остальном же — говоря о детстве (страх перед миром, *ещё* чуждым новому в нём человеку³²) и молодости (страх оказаться недостаточно талантливым и не соответствовать своему предназначению, а также тревога о том, есть ли у него такое предназначение вообще³³) он ограничивается краткими замечаниями. Секацкий, кстати, тоже вводит — совсем из другой точки, при разговоре о дневниках — тему коренной связи между страхом и возрастом³⁴, но и он не особенно её развивает.

Происходит ли здесь реальный спор с опровержением позиций друг друга и убедительным доказательством обратного или просто наговаривание смыслового материала вокруг заданной проблемы с разных сторон, с объёмным её видением в качестве результата? Подозреваю, что, по большей части, последнее. Собеседники явно слышат друг друга, подхватывают друг у друга мысль, но отношения у них, скорее, взаимодополняющие, чем взаимооспаривающие. Несогласие, конечно, по частным вопросам случается (например, по вопросу о том, употреблять ли при разговоре о возрасте слово «потенция» и считать ли потенцию мифологической структурой³⁵; видеть ли в жалости фундаментальную константу бытия или, напротив того, «фетишистский момент»³⁶), но «жёсткой полемики», обещанной нам в предисловии, здесь всё-таки нет, как и выраженной разницы возрастных позиций, обещанной там же³⁷. Складывается впечатление, что оба автора смотрят на свой предмет с позиций вполне общечеловеческих.

Во многих существенных отношениях авторы, скорее, солидарны, хотя,

³¹ С. 10.

³² Там же.

³³ С. 11.

³⁴ «Фрагменты собираемого времени, — говорит он о дневниковом письме, — мнимые и подлинные свидетельства признанности — всё это странным образом затмевает невыговариваемое, но, безусловно, важнейшее ощущение страха того, что жизнь заканчивается и её остаётся всё меньше» (с. 35).

³⁵ С. 34—35.

³⁶ С. 52—53.

³⁷ «То обстоятельство, что одному из нас в настоящее время уже далеко за семьдесят, — пишут соавторы в начале книги, — а другой находится в возрасте, обозначенном в монографии как “акмэ”, позволяет авторам пропустить философскую аналитику возраста через своё внутреннее мироощущение. Отсюда, в частности, внутреннее напряжение представленного диалога, явно или скрыто перерастающее подчас в довольно жёсткую полемику “отцов” и “детей”» (с. 6).

обладая разными интеллектуальными темпераментами, и говорят об этом разными языками (Секацкий резче, жёстче, а также и заметно метафоричнее своего собеседника, активно развивает персональную метафорику и идиоматику, предлагает множество новых терминов³⁸). Например, оба они разделяют представление о том, что каждый из человеческих возрастов самоценен (а не только, и может быть, даже не в первую очередь, представляет собою подготовку последующего и преодоление предыдущего). Оба согласны в том, что все они существуют в проживающем их человеке одновременно, не вытесняя друг друга, но накапливаясь. Оба говорят о, так или иначе, понятой одновременной множественности возрастов. Так, Пигров различает не равные друг другу возраст социокультурный и биологический³⁹ (с чем вполне солидарен и его собеседник⁴⁰), материальный и духовный, в которых человек чаще всего но, значит, не всегда, живёт одновременно; а Секацкий вообще воспринимает возраст как явление принципиально множественное: «как большую синхронизацию, обобщение и слияние хронотопов»⁴¹, а самого человека — как «симбиоз возрастов»⁴², — вплоть до того, что с подозрением относится к самому понятию «возраста» как к слишком огрубляющему предмет осмысления: «Подобно всем обобщениям, — говорит он, — возраст кажется чем-то искусственным, не учитывающим нюансы, чем-то не вполне достоверно предъявленным к проживанию»⁴³. Оба видят в старости «форму бытия для другого»⁴⁴ (Секацкий) и оба согласны в восприятии младенчества как «хранения пустоты»⁴⁵ ... И, разумеется, оба сходятся в том, что «возраст — это и есть человеческое время в его ближайшей данности, возможно, данности наиболее достоверной»⁴⁶.

Сколько-нибудь окончательных выводов как таковых соавторы не делают, и это выглядит очень органично. Некоторую замену им («вместо Заключения») предлагает Пигров — в виде «некоторых реперных точек»⁴⁷, нащупанных, по его разумению, в диалоге, но делает он это из соображений, скорее, композиционных, просто чтобы книга имела законченный вид: по существу, рассу-ж-

³⁸ вводит, например, понятие *хронопозиса* — изготовления личного времени. Возраст, согласно этому, — принадлежность к той или иной стадии хронопозиса, каждой из которых соответствует своя временная размерность, свой порядок счётных единиц. Смена возрастов — это «смена имманентных единиц измерения, внутренней калибровки» (с. 16).

³⁹ С. 18.

⁴⁰ «Феномен старости, — говорит Секацкий, — необходимо рассматривать с разных позиций, исходя из параметров биологического и социального» (с. 20).

⁴¹ С. 15.

⁴² С. 61.

⁴³ Там же.

⁴⁴ С. 33.

⁴⁵ Формулировка, предложенная Секацким (с. 58) и тут же принятая Пигровым, как «ключевое понятие» (с. 59).

⁴⁶ Секацкий (с. 169. ср. у Пигрова): «Взятый изнутри возраст представляет собой переживаемую нами экзистенциальную идею времени, так как время дано нам изнутри — через наше переживание времени» (с. 210).

⁴⁷ С. 231.

дение получилось открытое и способное быть дорашенным во многие стороны. Менее всего оно похоже на обещанную нам в начале систематизацию. Конечно, здесь много наработанных формулировок и собирания многолетнего опыта размышлений, но в целом это никоим образом не закрытие темы: скорее, напротив, открытие в ней многого нового, нащупывание точек роста. Тем ещё более, что книга, в первую очередь, живой разговор, в котором — именно в режиме той самой «мозговой атаки» — «формулируются некоторые новые, недостаточно ясные, вопросы в философии возраста и обсуждаются возможные пути их решения»⁴⁸. Тут вообще многое — мы уже не раз заметили — остаётся в форме вопросов, ждущих своего внимательного продумывания. Читатель, таким образом, тоже получает редкостную возможность: наблюдать за рождением мысли практически в режиме реального времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лишаев С. А.* Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
2. *Пигров К. С., Секацкий А. К.* Бытие и возраст. Монография в диалогах. Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. 250 с.
3. *Пигров К. С.* Введение в философию возраста. Университет третьего возраста. ИТМО. URL: http://www.eclass.cc/courses/itmo_vvedenie_v_filosofiyu_vozrasta (дата обращения: 15.11. 2017).

⁴⁸ С. 6.